

М. И. Сухомлинов

**Сборник отделения русского языка и
словесности Императорской академии наук**

**Том 11, №2. История Российской академии.
Выпуск 1**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. И. Сухомлинов**
Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук: Том 11, №2. История Российской академии.
Выпуск 1 / М. И. Сухомлинов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 432 с.

ISBN 978-5-458-00666-8

ISBN 978-5-458-00666-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ.

Дѣятельность Россійской Академіи, учрежденной для разработки русскаго языка и словесности, имѣетъ безспорное значеніе въ исторіи русской литературы. Учрежденіе Россійской академіи было отвѣтомъ на литературныя требованія тогдашней эпохи; оно явилось осуществленіемъ мысли, издавна занимавшей нашихъ писателей, и вызвало къ себѣ живое сочувствіе образованнаго общества. Въ этомъ заключалась сила новаго учрежденія и залогъ прочности его существованія. Въ составъ академіи вошли всѣ литературныя знаменитости конца восемнадцатаго столѣтія: въ списокъ членовъ ея находятя имена первостепенныхъ нашихъ ученыхъ и писателей. И они были членами не только по имени: съ первыхъ же поръ закипѣла работа, умно и счастливо выбраны рабочія силы, и обществу не долго пришлось ждать плодовъ дружной работы учено-литературнаго братства. Съ намѣреніемъ употребляю слово братство, ибо между членами академіи проявлялось стремленіе къ равноправности, къ избѣжанію сословной розни, составляющее яркую и замѣчательную особенность въ сравненіи съ понятіями и обычаями того времени. Предпріятія, добросовѣстно исполненныя, смѣнялись другими, находившимися въ свою

очередь преданныхъ дѣлу труженниковъ. Но не смотря на ихъ усилія, трудолюбіе и знаніе на ихъ готовность работать на пользу общую, сочувствіе общества къ академіи слабѣло все болѣе и болѣе, и наконецъ перешло не только въ холодность, но въ явное нерасположеніе, поддержанное и усиленное литературою.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ такой непріязни кроется въ преобладаніи канцелярскаго начала въ устройствѣ и духѣ академіи. Допущенная первоначально въ видѣ необходимаго, какъ полагали тогда, условія для приданія единства и правильности учрежденію, бюрократическая закваска вѣдалась все глубже и глубже, и до того проникла въ ученую корпорацію, что въ средѣ ея возбужденъ былъ вопросъ, имѣетъ ли право частное лицо, будь это извѣстный ученый или писатель, печатно выражать свое сужденіе о трудахъ академіи. Съ своей стороны академики упорно отрицали это право, доказывая весьма наивно, что такъ какъ академія есть учрежденіе правительственное, то и труды ея членовъ подлежатъ суду правительственной власти, а отнюдь не суду литературы или общественнаго мнѣнія. Понятно, какое дѣйствіе на общество произвело и должно было произвести подобное заявленіе.

Литературная причина непріязненныхъ отношеній общества къ россійской академіи заключалась въ томъ, что во времена вражды между послѣдователями Карамзина и приверженцами Шишкова, академики явились усердными сторонниками Шишкова, бывшаго притомъ президентомъ академіи. Въ литературѣ нашей борьба стараго поколѣнія съ новымъ выразилась между прочимъ въ столкновеніи членовъ «бесѣды» съ членами «арзамаса»: къ числу первыхъ принадлежали и вліятельнѣйшіе изъ членовъ россійской академіи. Отзывы о россійской академіи, повторяющіеся отчасти и въ наше время, вытекаютъ изъ взгляда, сложившагося въ литературномъ кругу двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Но для историка литературы преданіе обязательно настолько, насколько оно подтверждается фактами, изслѣдованными и оцененными безпристрастно. А фактами, требующими подобной оцѣнки, представляются въ настоящемъ случаѣ слѣдующіе: рос-

сiйская академія обладала замѣчательными научными и литературными силами—отъ Державина и фонъ-Визина въ восемнадцатомъ столѣтіи до Карамзина и Востокова въ девятнадцатомъ; она издала много трудовъ, относящихся къ русскому языку и словесности, и нѣкоторые изъ нихъ безспорно составляютъ существенные и важные вклады въ нашу литературу; въ трудахъ и во всей дѣятельности академіи выражается современное ей состояніе русской литературы и русскаго общества. Поэтому исторія русской академіи необходимо должна войти въ исторію русской литературы конца восемнадцатаго и первыхъ десятилѣтій девятнадцатаго вѣка. Въ судьбѣ академіи отражается общая судьба нашей словесности, находящаяся въ связи съ движеніемъ общественной жизни.

Времена Екатерины II, Павла I и Александра I весьма опредѣленно различаются и въ исторіи русской академіи, окончившей свое самостоятельное существованіе при Николаѣ I.

Излагая исторію академіи по отдѣламъ, соотвѣтствующимъ названнымъ эпохамъ, мы упомянемъ предварительно о тѣхъ явленіяхъ въ нашей литературѣ, которыя предшествовали основанію русской академіи и представляютъ съ нею болѣе или менѣе близкое сходство.

Содержаніе и смыслъ академической дѣятельности зависѣли отъ живыхъ силъ академіи, въ выборѣ которыхъ обнаруживались ея цѣли и стремленія: поэтому считаемъ нужнымъ представить характеристику, болѣе или менѣе подробную, замѣчательнѣйшихъ членовъ русской академіи перваго ея періода. Мы съ намѣреніемъ останавливаемся, и иногда довольно долго, на чертахъ, относящихся къ жизни и трудамъ писателей до вступленія ихъ въ число академиковъ, ибо для исторіи академіи важно не только то, что сдѣлано тѣмъ или другимъ ея членомъ во время его академическаго поприща, но и то, какія лица вошли въ составъ русской академіи и какими началами руководствовалась она при оцѣнкѣ правъ того или другаго лица на званіе академика. Подробный обзоръ дѣятельности лицъ, избранныхъ въ академики,

мы считаемъ тѣмъ, необходимѣе, что въ ней выражается съ большею или меньшею яркостью общее направленіе русской литературы и многія черты нашей общественной жизни.

Сообщивши подробныя свѣдѣнія о живыхъ силахъ академіи, мы приступимъ къ изложенію и разбору трудовъ русской академіи, предпринятыхъ и оконченныхъ при совокупномъ участіи ея членовъ. Въ заключеніе будутъ приведены данныя объ устройствѣ академіи, объ академической жизни вообще и объ отношеніи академіи къ современному ей обществу.

Таковъ планъ, котораго мы намѣрены держаться при изложеніи перваго періода исторіи русской академіи.

УЧРЕЖДЕНІЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Россійское собраніе при академіи наукъ.— Коммиссія для переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій.— Вольное русскійское собраніе при московскомъ Университетѣ.— Открытіе русской академіи.— Лица, избранныя въ члены русской академіи.

I.

Изслѣдованіе и разработка русскаго языка и словесности возлагала на академію, учреждаемую съ этою цѣлью, выполненіе задачъ, указанныхъ при самомъ ея открытіи и состоявшихъ въ слѣдующемъ: составленіе словаря русскаго языка и русской грамматики; составленіе теоріи прозы и теоріи поэзіи; обогащеніе русской литературы посредствомъ перевода на русскій языкъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ писателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражалась увѣренность, что академія можетъ содѣйствовать изученію памятниковъ литературныхъ въ связи съ историческими, открытію и воспроизведенію письменныхъ памятниковъ отечественной исторіи, уцѣлѣвшихъ отъ древности и разсыянныхъ по всему лицу русской земли.

Попытка образовать литературное общество съ подобными

цѣлями встрѣчается уже въ первые года существованія академіи наукъ. Общество, учрежденное въ 1735 году, называлось Россійскимъ Собраніемъ и даже Россійскою Академіею. Татищевъ († 1750) говоритъ: «Академія Россійская учреждена въ 1735 году для исправленія языка русскаго, сочиненія грамматики и лексиконовъ, на томъ основаніи какъ во Франціи, и она подчинена президенту академіи наукъ ¹⁾». Одинъ изъ главныхъ дѣятелей этой академіи Тредьяковскій свидѣтельствуетъ, что цѣль ея учрежденія — усовершенствованіе русскаго языка, изданіе переводовъ образцовыхъ иностранныхъ писателей древнихъ и новыхъ временъ и составленіе грамматики, словаря, риторики и піитики. Обращаясь къ своимъ сочленамъ, Тредьяковскій говоритъ: «Сего дождались мы щастія, что и о совершенствѣ русскаго языка попеченіе воспріемлется. Однако коль ни полезно есть русскаго народу возможное *дополненіе языка, чистота, красота* и желаемое его *совершенство*, но мнѣ толь трудно быть кажется, что не не страшитъ, уповаю, и васъ трудностію и тягостію своею. Не о единомъ тутъ чистомъ *переводѣ степенныхъ, старыхъ и новыхъ, авторовъ*, что и едино и само собою koliko проливаетъ пота, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитесь. Но и о *грамматикѣ* доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности. Но и о *дікціонарїѣ* полномъ и довольномъ, который въ *импюющихъ трудитесь* васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сізуфѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все холя вскатить, съ самага почитай верьха нанизъ его нехотя опускаетъ. Но и о *реторикѣ* и *стихотворной наукѣ*, что все чрезъ мѣру утрудитъ васъ можетъ» ²⁾. Въ день перваго засѣданія Россійскаго Собранія 14 марта 1735 года, послѣдовало распоряженіе, по которому академическимъ переводчикамъ вмѣнено было въ обязанность еженедѣльно собираться для исправленія переводовъ; и непремѣнными членами собраній назначены: Тредьяковскій, Адодуровъ и Швановичъ, какъ

видно изъ слѣдующаго документа, уцѣлѣвшаго въ академическомъ архивѣ. «По указу Ея Императорскаго Величества въ академіи наукъ приказалъ обрѣтающійся главный командиръ дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ-Корфъ академіи наукъ переводчикамъ сходиться въ академію дважды въ недѣлю — въ среду и въ субботу поутру и послѣ обѣда, и имѣть межъ собою конференцію, *снося и прочитывая все, что что перевелъ, и имѣть тщаніе въ исправленіи російскаго языка случающихся переводовъ.* Чего ради въ оныхъ конференціяхъ присутствовать: секретарю Тредіаковскому, адъюнкту Адаурову и ректору нѣмецкаго языка Швановичу, а о тѣхъ конференціяхъ журналъ содержать Тауберту и во вся понедѣльники оный предлагать его превосходительству господину камергеру»³⁾. О дальнѣйшей судьбѣ этого общества, сохранилось чрезвычайно мало извѣстій: оно существовало весьма недолго, и въ 1743 году донесено сенату, что «россійское собраніе разрушилось» и члены его получили другое назначеніе⁴⁾. Впослѣдствіи полагали, что оно погубло при самомъ своемъ рожденіи вслѣдствіе интригъ со стороны кого-либо въ родѣ Остермана, погубившаго академію ремеслъ въ самомъ ея началѣ. По свидѣтельству митрополита Евгенія, «немногое число способныхъ сочленовъ, недостатокъ образцовъ классическихъ, неостепененіе самой словесности и языка нашего и неготовность еще тогдашнихъ читателей помогать писателямъ разборчивостію своею, сдѣлали общество сіе безуспѣшнымъ. Оно существовало три года, и мѣсто его послѣ заступилъ *переводнический департаментъ* при академіи, но и тотъ скоро разстроился, а возобновленъ уже по указу Императрицы Екатерины II въ 1790 году»⁵⁾.

II.

Чѣмъ болѣе Россія сближалась съ умственною жизнію западной Европы, тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Екатерина сама трудилась надъ переводами, и желая дать дѣлу правильный ходъ, назначила ежегодно по пяти тысячъ рублей изъ собственной шкатулки; надзоръ

за употребленьемъ этой суммы «въ пользу общества» и въ награду переводчикамъ возложила на Козицкаго, графа Владиміра Григорьевича Орлова и графа Андрея Петровича Шувалова. Назначеніе это послѣдовало въ октябрѣ 1768 года ⁶⁾. Издатели придавали особенную цѣну переводамъ твореній греческихъ и римскихъ писателей, и приглашали вновь переводить тѣ сочиненія, которыя были уже переведены, но не съ подлинника, а съ иностраннаго переложенія. Въ числѣ первыхъ книгъ, выбранныхъ для перевода были: разсужденіе короля прусскаго о причинахъ установленія и уничтоженія законовъ, Кандидъ Вольтера, персидскія письма Монтескье, нѣсколько жизнеописаній изъ Плутарха, нѣсколько статей изъ энциклопедіи, словарь французской академіи, для перевода котораго образовалось цѣлое общество, и т. д. ⁷⁾. Постепенно издаваемы были переводы самаго разнообразнаго содержанія; переводились сочиненія: Гомера, Платона, Тацита, Цицерона, Юлія Цезаря, Овидія, Виргилія, Иосифа Флавія, Торквато Тассо, Локка, Геллерта, Вольтера, Корнеля, Робертсона (исторія Карла V), Ахенвалля (начертаніе исторіи новѣйшихъ европейскихъ державъ), путешествіе Палласа, путешествіе Гмеллина, статьи изъ Бюшинговой географіи, множество статей изъ французской энциклопедіи, и т. д. ⁸⁾. О дѣятельности переводчиковъ можно судить по слѣдующей таблицѣ, составленной нами на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ вѣдомостяхъ прошлаго столѣтія:

	Напечатано книгъ.	Отдано въ печать.	Переводится.	Выбрано для перевода.	Всего.
1774 г.	85	33	78	63	259.
1775 »	105	26	83	59	273.
1776 »	121	24	94	57	296.
1781 »	154	47	95	17	313.

Современники относились не вполне довѣрчиво къ дѣятельности комиссіи, учрежденной для изданія переводовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ говорили съ нѣкоторою гордостью о появленіи на русскомъ языкѣ твореній литературныхъ знаменитостей различ-

ныхъ эпохъ и народовъ. «Греческіе, римскіе и новѣйшихъ народовъ писатели — сказано въ одномъ изъ тогдашнихъ повременныхъ изданій — чтутся на языкѣ нашемъ: Геродотъ, Плутархъ, Діодоръ Сицилійскій, Цицеронъ, Лукіанъ, Мильтонъ, Робертсонъ, Вольтеръ и проч. Но никакой народъ не отплатилъ столько Греціи за все, чѣмъ она науки снабдила, какъ Россія. Естьли слабодушіе потомковъ побѣдителей фермопильскихъ сдѣлало тщетными покушенія о ихъ освобожденіи, Екатерина II взяла подъ покровъ свой ихъ потомство: она воспитываетъ ихъ свойственнымъ ей образомъ, просвѣщая ихъ. Училище Грековъ, на Невѣ основанное, есть наипріятнѣйшее въ исторіи наукъ достопамятство, прославляющее нашъ вѣкъ, Россію и науки»⁹⁾. Екатерина писала Вольтеру, что ей придется скоро учиться греческому языку въ какомъ-нибудь университетѣ, а пока — прибавляетъ она — переводятъ по-русски Гомера, и это что-нибудь да значитъ въ особености для начала¹⁰⁾. Въ списки книгъ, появлявшіеся отъ времени до времени на страницахъ петербургскихъ вѣдомостей, включалось обыкновенно общее число всѣхъ изданій комиссіи съ самаго ея учрежденія. На основаніи этихъ свѣдѣній оказывается, что въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1769 — 1780) напечатано всего 154 книги и брошюры, считая за отдѣльную книгу каждый выпускъ сочиненія, выходившаго по частямъ. Слѣдовательно среднимъ числомъ приходится на каждый годъ не болѣе какъ по 14 книгъ и брошюръ — число не особенно крупное. Но не одна только малочисленность изданій возбуждала въ обществѣ невыгодные толки и нареканія на комиссію. Ее подозрѣвали въ злоупотребленіи денежными средствами, которыми она располагала по собственному произволу. Дашкова прямо обвиняетъ людей, заправлявшихъ дѣломъ, въ томъ, что они клали по своимъ карманамъ деньги, отпускаемыя на переводы, и поэтому она предлагала Екатеринѣ возложить изданіе переводовъ на членовъ російской академіи¹¹⁾. Предложеніе Дашковой вполне одобрено Екатериною. Комиссія для переводовъ уничтожена съ основаніемъ російской академіи, въ распоряженіе которой переданы

всѣ суммы, принадлежавшія комиссіи. Въ учредительномъ актѣ сказано: «о потребныхъ суммахъ указъ нашъ данъ будетъ, обращающая въ число ихъ деньги, положенныя на комиссію для переводовъ, которая нынѣ не нужна будетъ»¹²⁾. Передача находившихся въ комиссіи переводовъ въ академію производилась весьма медленно, вѣроятно вслѣдствіе того, что въ первые года дѣло о переводахъ было отодвинуто на задній планъ, уступая мѣсто главнѣйшей заботѣ академіи о составленіи словаря. Въ 1802 году, слѣдовательно спустя почти двадцать лѣтъ послѣ открытія академіи, бывшій членъ комиссіи академикъ Лепехинъ представилъ рукописные переводы, оставшіеся отъ временъ комиссіи, въ томъ числѣ: Одиссея Гомера, Родогуна Корнеля въ переводѣ Княжнина, Энхиридіонъ Эразма Роттердамскаго и другіе. Академія рѣшила справиться, не появились ли въ печати переводы этихъ произведеній, и если они напечатаны, то сравнить ихъ съ рукописными¹³⁾.

III.

За двѣнадцать лѣтъ до учрежденія российской академіи составилось при московскомъ университетѣ учено-литературное общество подъ названіемъ Вольнаго Россійскаго Собранія. Главною цѣлью этого общества, учрежденнаго въ 1771 году, поставлено исправленіе и обогащеніе русскаго языка, а вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли признано изданіе сочиненій и переводовъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, и составленіе словаря. Въ «объявленіи любителямъ русскаго языка» говорится: «Московский университетъ, почитая распространеніе наукъ за главный свой предметъ, вознамѣрился для исправленія и обогащенія русскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ, сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учредить въ Москвѣ *Вольное руссское собраніе*. Исправленіе и совершеніе русскаго языка имѣетъ составлять особый предметъ сего собранія, а сочиненіе правильнаго русскаго словаря по азбукѣ будетъ первый присутствующий»

щихъ трудъ. Сочиненія и переводы съ иностранныхъ языковъ на російскій иначе не будутъ напечатаны, какъ по разсмотрѣнїи и исправленїи въ семь собранїи. — Сочиненія отъ сего собранїа издаваны будутъ о разныхъ вниманїа достойныхъ матерїяхъ, касающихся какъ до словесныхъ, такъ и до прочихъ наукъ. Столь обширное владѣнїе російское, состоящее изъ разныхъ народовъ и въ разныхъ климатахъ, можетъ любопытство трудящихся членовъ довольно снабдить рѣдкими и достойными примѣчанїа вещми. Публичныя и приватныя книгъ и писемъ хранилища, содержащїя въ себѣ достопамятныя предковъ російскихъ дѣла, глубокою древностїю закрытыя, могутъ такимъ образомъ отворены быть и издаваемы въ свѣтъ для удовольствїа общенароднаго и для приведенїа въ совершенство російскїя со временемъ исторїи»¹⁴). Засѣданїа общества, временно закрытыя вслѣдствїе чумы, возобновились по минованїи бѣдствїа. Общество собирало лѣтописи и другїе историческіе памятники, и — что заслуживаетъ особеннаго вниманїа — признало нужнымъ ввести въ словарь мѣстныя особенности русскаго языка, и приступило къ собранїю «рѣдкихъ словъ, въ Москвѣ мало извѣстныхъ». Периодическое изданїе общества выходило подъ именемъ Опыта трудовъ вольнаго російскаго собранїа: вышло всего шесть частей и послѣдняя, шестая часть появилась черезъ девять лѣтъ послѣ первой, вышедшей въ 1774 году. Главнымъ изданїемъ вольнаго російскаго собранїа былъ словарь церковно-славянскаго языка — трудъ протоіеря Алексѣева. Многіе члены вольнаго російскаго собранїа вошли въ составъ російской академіи, большею частью при самомъ ея учрежденїи; сама основательница академіи, княгиня Дашкова, была дѣйствительнымъ членомъ собранїа. Въ члены російской академіи избраны слѣдующїе члены вольнаго російскаго собранїа: Дашкова, Ржевскій, Соймоновъ, Херасковъ, фонъ-Визинъ, Державинъ, Барсовъ, Княжнинъ, Десницкїй, Потемкинъ, протоіерей Алексѣевъ, Мелиссино, епископъ Дамаскинъ, Щербатовъ, архимандритъ Павелъ, Зибелинъ, Веревкинъ, Нарышкинъ, Д. И. Хвостовъ. Труды вольнаго російскаго собранїа признаны та-